

«РУНЫ ЛЮБВИ»

- Наталья Косухина
«Синий, хвостатый, влюбленный»
«Пятьдесят оттенков синего»
Трилогия «Корпорация Лемнискату»
Кн. 1 «И начнется отсчет»
Кн. 2 «И каждый день за веком век»
Кн. 3 «И замкнется круг»
- Ксения Баштовая
«Проклятые огнем»
«Дорогу осилит идущий»
- Мария Боталова,
Екатерина Флат
«Академия попаданцев.
Избранница Тьмы»
- Мария Сакрытина
«Я клянусь тебе в вечной верности»
«Слушаю и повинуюсь»
- Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»
- Терри Лу
«Под крылом дракона»
- Екатерина Флат
«Его Тьма»
- Галина Манукян
«Ученица чародея»
- Елена Литвиненко
«Кукла советника»
«Волчица советника»
- Елена Малиновская
«Любовь без права выбора»
- Алиса Одинцова
«Начальник для чародейки»
- Надежда Мамаева
«У волшебства запах корицы»
- Мария Боталова
Трилогия «Тайны изначальных»
Кн. 1 «В оковах льда»
Кн. 2 «Огонь Изначальный»
Кн. 3 «Во власти демонов»
- Александра Салиева
«Прокляты и забыты»
«Обречены и одиноки»
- Ольга Мигель
«Принц на белом кальмаре»
- Марина Дробкова
«Маг моего сердца»
- Дана Арнаутова
«Страж морского принца»
- Аня Сокол
«На неведомых тропинках.
Шаг в темноту»
«На неведомых тропинках.
Шаг в пустоту»
- Евгения Петроченко
«В летописях не значится»
- Валерия Чернованова
«Колдун моей мечты»
«Пепел погасшей звезды»
- Марина Эльденберт
«Заклятые любовники»
«Заклятые супруги. Золотая мгла»
- Алиса Ардова
«Мое проклятие»
«Мое проклятие. Право на выбор»
- Татьяна Зингер
«Соль и пламя. Леди Теней»
- Анна Бруша
«Ведьмы не любят инквизиторов»
- Катя Зазовка
«Немира. Колесо судьбы»
- Алина Борисова
«Город над бездной»
- Карина Пьянкова
«Тихоня»
- Елена Лисавчук
«Школа истинного страха»
- Любовь Черникова
«Невеста принца и волшебные бабочки»
- Альмира Рай
«Магическая академия
строгого режима»
- Наталья Сапункова
«Невеста без места»

Е.Н. АТАЛЪЯ
САПУНКОВА

∞
НЕВЕСТА
БЕЗ МЕСТА
∞

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С19

Оформление — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Сапункова, Наталья.

С19 Невеста без места : [роман] / Наталья Сапункова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-102710-0

И не думала, не гадала княженка Велья, младшая дочь князя Велеслава, что давно она просватана по неосторожности бабушкиной в дальние земли, в проклятый род. И придется ей уехать навстречу неведомой судьбе, через леса дремучие на чужбину, в город Карияр, чтобы стать там женой одного из четырех княжичей. И все они вроде хороши, а не лучше того незнакомца, кому уже отдала она свое сердце темной купальской ночью. И верно ли, что настоящая любовь сильнее любых невзгод?..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102710-0

© Н. Сапункова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАВА I

СВАТЫ ИЗ КАРИЯРА

Широкие ворота княжьего двора были по позднему времени затворены, так что Велька сразу свернула к неприметной задней калитке, которая всегда открывалась приветливо, без скрипа, и впускала, какой бы ни был час. Но только своих. Надо еще нажать неприметный рычажок, и запор поднимется, и можно войти.

Калитка открылась, и девушка скользнула внутрь. Откуда-то издалека доносились голоса, а тут — тихо, темно. Цепной пес-сторож коротко пролаял и умолк — узнал. Лошади у конюшни привязаны, вроде чужие. Ну, мало ли, приехал кто!

С некоторым раскаянием Велька вспомнила, что отец, князь Велеслав Судиярыч весьма строго велел ей сидеть в Сини, на бабкином подворье, и все платье цветное у нее загодя нянька забрала. Да только когда Вельку такие мелочи смущали? Она же не Чайна, которая, не разодевшись, и в окошко носа не покажет. Та-то настоящая княжна, а Велька вроде и нет, даром что тоже князя отцом зовет. Вот и теперь приехала в город с попутным обозом, да еще и одна — видано ли дело! Узнает бабушка — разгневается...

Сердит на нее бабушка-князь, наказал, отправил с глаз долой, а за что — и непонятно толком. Ему, значит, без дела гневаться, а ей в глуши скучать! Впрочем, она ведь не за весельем сюда вернулась, а по делу важному.

Из конюшни высунулся конюх, дядька Грын, поглядел туда-сюда, шурясь, заметил светлую Велькину фигуру:

— Кто тут? Эй!

— Да я, дядька, я...

— Княженка, что ли?! Да откуда ж ты взялась-то, в такой час? А лошадь куда дела?

В конце зимы сам князь подарил младшей дочери дивно красивую золотисто-гнедую кобылу Званку, как раз на пятнадцатилетие, Велька с тех пор только на ней и ездила. Чайна получила такой подарок двумя годами раньше, только ее лошадка была серой в яблоках.

— В веси¹ осталась, — пояснила девушка. — Я ненадолго сюда, мне б только на ярмарке побывать.

— Пешком шла?! — поразился недогадливый конюх.

— Какой пешком, с обозом проходящим. А кто у нас тут? — она показала на чужих лошадей, имея в виду, понятно, их хозяев.

— Так сваты. За княжной, сестрицей твоей.

— Сестру сватают? — ахнула Велька. — И кто же?

Новость была, конечно, знатная. Только ведь, раз такое дело, тем более ей надо дома быть!

— Так из Лесного Края, — пояснил дядька Грын. — Ты бы, княженка, в палатах и поспрашивала, там лучше ответят. Только в заднюю дверь иди.

— Знаю, — буркнула Велька и направилась было к дому, но вдруг остановилась, ойкнув: путь ей преградила незнакомая, внушительных размеров лохматая псина, выступившая откуда-то из тени.

Ну и псина — чудовище! Луна светила ярко, позволила сполна разглядеть и испугаться.

— Это что еще?! — в сердцах воскликнула девушка, пятясь. — Чья такая?

— Так их... гостей, — конюх подошел, потрясая палкой. — Кобель этот, вишь, какой, и медведя небось завалит. Глазищами вон как сверкает. Разводят таких, вишь, в том Лесном Краю.

Никогда не виданный пес глухо зарычал, отчего Вельке стало не по себе. И впрямь, место темное, уединенное, такой зверь с ними двумя управится и не моргнет, чего его палкой дразнить? Злить только.

— Батюшке твоему, князю, уж как понравился зверюга, — сообщил Грын, — может, ему и подарят?

— Вот этого не хватало, — дернула плечом Велька, — страх какой. Обойти, что ли? По задам, за конюшнями.

И только она собралась исполнить задуманное, как пес, тихо рыкнув напоследок, развернулся и побежал прочь.

¹ *Весь* — деревня, село (Здесь и далее прим. автора).

— Вот умница, — вздохнула девушка. — Хороший. Понял все, — и побежала к дому, избегая смотреть по сторонам.

Задняя дверь впустила ее, не скрипнув, дальше — ступени вниз и короткий коридор, и вот она, кухня. Тихо там было и пусто, как и ожидалось. Это если бы пировал князь-батюшка, гостей угощал, то в кухне и по сей час дым бы стоял коромыслом, да сегодня нельзя пиры на всю ночь закатывать. Купала¹ завтра, большой праздник и бессонная ночь, сегодня людям выспаться надобно. И холопа² последнего самый строгий хозяин в эту ночь работать не заставит, чтобы богов и чуров не гневить. Ну да пока еще час не самый поздний...

Велька только хотела взвару³ себе налить, а пироги свежие всегда найдутся — когда это у них в кухне пирогов не бывало? Конечно, можно подняться к себе в светелку, да первую же чернавку кликнуть, да сказать только — и всего принесут, но ведь и матушке-княгине тут же доложат, и батюшка-князь сразу прознает, что опять его ослушалась нравная младшая дочка. Может, он и так узнает, завтра, когда Велька с делами управится. Так-то ладно, пускай. Тогда можно.

Взвар сегодня варили ягодный, с толикой прошлогодних сушеных яблок, а пироги под льняной холстиной нашлись с мясом и тоже с ягодами. Девушка отхватила себе немалый кус того, что с мясом, — проголодалась за день. А что за ворчание в дверях?

Она обернулась — снова тот пес! Смотрит на нее, облизнулся даже. Ну, нахал!

Страшный с виду, так и что с того? Глаза вон умные какие...

— Пирога хочешь? — спросила Велька. — Вкусный! погоди, сейчас погляжу, может, и костей тебе найду.

И точно, в большом горшке в печи томилось мясо. Она без раздумий подцепила приличного размера кусок, скорее это было мясо с костью, чем кость с мясом. Примостила мясо на кусок пирога, кивнула псу:

— Пошли, лохматый, угощу на славу. А то еще увидят тебя тут, не обрадуются, вот помяни мое слово.

¹ *Купала* — славянский праздник.

² *Холоп* — раб, лично не свободный человек, постоянно или временно (в счет отработки долга, например).

³ *Взвар* — отвар из фруктов; то, что мы теперь чаще называем компотом.

За такое самоуправство — мясо из горшка таскать — кухарка бы рассердилась, ну да ладно. Все же неплохо быть княжьей дочкой.

Пес, умница такой, послушно пошел следом за Велькой, а когда она присела на крылечко, лег в ногах. Пирог осторожно взял прямо из рук, а мясо она остереглась сразу давать, подождала, пока остынет, — нельзя ведь собакам горячее.

— Ну надо же, ты такой страх лохматый, а я тебя совсем не боюсь, — сообщила она псу, поглаживая его по загривку.

И правда не боялась, хоть руку в пасть засунуть — не укусит, видно же, что ученый, умный.

— Будем дружить? — забавляясь, спросила Велька, и пес в ответ тихо рыкнул, словно согласился.

— Вот и договорились! — обрадовалась она, потрепала зверя по лохматой шее. — А ты чей, интересно мне? Это не твой хозяин мою сестру Чайну сватать приехал? А кто же он? Эх, жалко, песик, говорить не умеешь. Ладно уж, и без тебя узнаю. А батюшка-князь мне отчего-то не велел дома быть. Ну ладно, не велел, и не буду, схожу завтра с утра на ярмарку и уеду, что я тут не видала? Правда, Купала завтра, так что я бы и осталась, — она грустно вздохнула. — Может, и позволят, как считаешь?

Пес опять заворчал, как показалось, недовольно. Но это было Велькиным чувствам созвучно, так что она опять принялась его гладить. Зверю ласка явно нравилась.

И верно ведь, Веля даже не поняла, в чем виновата, а ее, как есть, прогнали из Верилога под самый праздник. Просто батюшка был не в духе. Но чтобы меньшей княжны не было в купальском хороводе? Нельзя ведь так! И хоть в Сини-веси тоже будут и костры жечь, и хороводы водить, ведь это не сравнить с вериложским гуляньем! Или у княгини попросить заступы? Она может помочь. Хоть княгиня Вельке не мать, и вовсе ее, падчерицу, не любит и любить не станет, но она не злая и зря не обижает. Или все же поговорить с отцом?..

Пес тем временем как ни в чем не бывало положил голову Вельке на колени, та возражать не стала. Удивлялась только — надо же, не пес прямо, а телок ласковый.

— Смешной ты, — пропела она, теребя вислые песьи уши, — может, и мухи не обидишь? Нападет на нас тать, кто кого защищать станет, ты меня или я тебя?

Пес тут же поднял голову и недовольно рывкнул — совершенно точно обиделся.

— Ладно, ладно, прости! Умный ты, вижу, все понимаешь, — рассмеялась Веля, легонько оттолкнула от себя собаку и встала, отряхнув поневу¹ от приставших крошек. — Иди к хозяину. А мы — друзья, да? Договорились? Значит, еще свидимся.

А пес вдруг насторожился, повернув голову, словно прислушивался. И верно, с той стороны из-за угла вывернул рослый молодец, остановился, приглядываясь к ним, и воскликнул:

— Ах ты, тать лохматый, обыскался я тебя!

Пес в ответ заворчал тихонько, но как-то неласково. А пришедший парень рассмеялся и мирно предложил:

— Ладно тебе. Пойдем уже, а?

Тут он обратил наконец внимание и на девушку, подошел ближе, сразу позабыв про собаку, и разглядывал теперь только ее.

— Ишь какая! — хмыкнул он, протягивая руку, словно девушку не рассмотреть было, не потрогав. — Челядинка здешняя, да? Где же была, что я пока тебя не замечал?

Веля отступила на шаг, а на языке у нее уже завертелась колкость насчет того, сколько челядинок тут уже разглядел гость дорогой. Вдруг пес рывкнул так, что у нее невольно спина похолодела. Парень руку убрал и улыбнулся.

— Да не огрызайся, Волкобой. Мы тебя обыскались, а ты тут за девками ухлестываешь — кто же знал?

Пес опять недовольно заворчал, похоже, к новой знакомице он относился благодушней, чем к парню. Пользуясь этим, Велька погладила зверя по голове, а сама пока рассматривала парня. Тот был симпатичный, даже, прямо скажем, красивый, с правильными чертами лица, рослый, широкоплечий. И одет богато — в шелковую рубаху, широкий пояс поверх с блестящими бляхами. И гривна поверх рубахи. Боярин? Кто-то из жениховой свиты? Вот еще не хватало...

Но кругом была душистая, теплая летняя ночь, и парень, кто бы он ни был, ближе не подойдет — пес не пустит, и вообще, они, должно быть, и вовсе больше не увидятся никогда. И она позволила себе небольшое баловство — поболтать. Рассмеялась, продолжая гладить пса, и поинтересовалась:

¹ *Понева* — распашная юбка из двух-трех (или сколько нужно) полотнищ, надевается поверх рубахи, затягивается пояском (гашником).

— Он, гляжу, девок любит, да?

— Как тут возразишь? — весело поддержал незнакомец. — Давно замечаю, что их он любит страсть как!

— И зовут его Волкобой? Много он волков побил?

— Да как сказать. Волки его, красotka, опасаются, близко не подходят. Так что он, может, и побил бы, да поди их еще поймай! Ты проводила бы нас, милая, до гостевого терема, видишь, не идет он что-то ко мне, не хочет. Уважь, помоги, а я князю тебя похваляю, хочешь?

— Не хочу! — Веля даже немного испугалась такого предложения. — Не говори вовсе про меня князю, очень прошу! Волкобой, вижу, не твой. А чей же?

— Да он больше боярина нашего, Миряты Веденича. А вообще, так и не скажешь чей. Поможешь?

— Помогу, — Веля хотела уже взяться за широкий кожаный ошейник, но внезапно передумала и лишь похлопала пса по лохматой спине, — пошли, хороший, видишь, ждут тебя. Пошли? — и пес, опять зачем-то ворча, двинулся чуть впереди нее, без понуканий зная, куда идти.

— Ой, какой он замечательный! — не удержалась, шепнула Велька спутнику.

Тот шел рядом, улыбался, не без удовольствия поглядывал на девушку.

— А ты ничего, — сказал он тихонько, почти шепотом, — княжна ваша, конечно, диво, да только она такая, что дохнуть в ее сторону страшно. А ты, вон... теплая, красивая, как само солнышко. Видишь, и в потемках мимо не пройдешь! Может, с княжной твоей и тебя отпустят на нашу сторону? Меня Ириной зовут, а тебя как?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — буркнула Велька. — Не сердись, боярин, не надо тебе со мной знакомиться, потому как вряд ли еще свидимся. Здравствовать тебе, вон уже гостевой терем, а мне дальше, — и она резво побежала вдоль стены, увернувшись от парня, который ринулся было ее задержать.

Да где ему! К тому же собака прямо под ногами оказалась, помешала.

— Ну гляди, белка прыткая, завтра на Купале попадешься мне! — крикнул он вслед.

А пес гавкнул, негромко, но внушительно и словно как-то одобрительно. И Вельке показалось, что это он с ней так попрощался.

Она заскочила в тесные задние сенцы, дверь прикрыла и еще засов задвинула. Ну, вот и хорошо. Завтра боярин Ириной про нее и не вспомнит. Как будто у него тут других дел нету. На Купале поймает — как же! Ловили уже всякие, да что-то никто пока не похвалялся, что поймал.

В сенцах на лежанке уже посапывали две девки-челядинки, одна пошевелилась, сонно взглянула на княжью дочку, пробормотала:

— Княженка, ты? Надобно чего?

— Тихо ты, спи себе, нет меня тут, — шикнула на нее Велька.

Она живо пробежала коридором, поднялась по лесенке наверх, в горницы. Толкнула сестрину дверь.

Княжна Чайна сидела на лежанке в одной рубашке, задумчиво перебирала снятые янтарные бусы, глядя куда-то в темный угол. Веля на всякий случай тоже туда глянула — как есть пусто. Хотя свечи оплывшие так мигают, что и почудиться может всякое.

— Чайна, сестричка, — тихонько окликнула она, неловко улыбнувшись, — что ты? Почему такая? Неужели жених нехорош?

— Ты? — Чайна вздрогнула, подняла голову. — Ох, Велюшка, — она быстро встала, уронив бусы, шагнула к ней, порывисто обняла, всхлипнула, — хоть в омут мне, Велюшка милая. А деваться некуда.

— Да ты что? — ужаснулась Велька. — Какой омут, опомнись! Он, жених, урод хромой и старый, что ли? Или чем не люб? И отдают тебя? Не верится...

— Глупая ты, — Чайна усмехнулась, — княжон отдают не за того, кто люб, а за кого надобно. Я готова была. Но не за проклятого же!

— Чего? — озадачилась Велька.

— Что, про проклятых князей не слышала? Из Карияра? — Чайна отстранилась, ладонями вытерла слезы. — Да, тех самых. Вот туда меня и заберут. В проклятый род, Веля. Им никто невест не дает, вот добыли меня, силой да обманом. Отец отказать не может!

Веля затрясла головой, не в силах сразу в такое вникнуть.

— Так не старый и не урод, значит? Ой, а нянька говорила, что проклятые князья из Карияра с рогами все! — Она в сердцах стукнула себя по губам. — Да это вранье, поди!

— Вранье, — Чайна не удержалась, улыбнулась, — тут четверо княжичей, и все без рогов. Они без шапок ходят, так что это видно. И не уроды вовсе.

— Четверо? А жених-то как тебе?

— Да не знаю я, в том-то и дело! Кто-то из четверых, который старший у них! Говорят, это я потом узнаю, в Карьяре уже. У них-де обычай такой! Каково?! — Чайана подняла упавшие бусы, неловко дернула, и вся нить янтарным градом осыпалась на пол.

Сестра ахнула, всплеснула руками, кинулась было подбирать, но вместо этого, упав на колени перед лежанкой, разразилась горькими рыданиями.

— Чайанка, ну ты чего? — кинулась к ней Велька, крепко обняла, стала гладить вздрагивающие плечи. — Раз не видно проклятье, может, оно и пустяковое какое? Или вовсе его не хочешь — не заметишь? Может, оно в том, что жених твой чихает на вечерней заре, как кузнец Ненеля, после того как его ягушка зачаровала? А? А ты убиваешься. Сама же говоришь, что все парни красивые, вот и ладно, чего лучше!

Не то чтобы она так думала. Для нее самой смотреть на четверых женихов и не знать, за кого из них придется замуж идти, причем подневольно, — да ну к кикиморам такую неизвестность!

Чаяна задышала спокойнее, вытерла зареванное лицо рукавом рубахи.

— Ох, дуреха ты, Велька, — сказала она, — им же в наказание проклятье досталось, и говорят, что оно страшное, а ты — чихать на заре! Нашла с чем сравнить. Оно от старшего к старшему передается, и три раза по семь поколений его нести будут. И мой первенец, значит, тоже. Злое проклятье, это точно известно! А какое, они скрывают, никто не знает, кроме самых близких. И невесты их не знают ничего, пока женами не станут!

— Злое, да неизвестно какое. Вот и нечего зазря тужить, еще и заране! — проворчала Велька, принявшись собирать в ладонь янтарные бусины. — Небось княгини у них, у карьярских князей, живут не тужат! — продолжала она горячо и уверенно. — Это если бы было такое проклятье, чтоб у их князя каждая жена первыми родами помирала, тогда да, есть о чем поплакать! И невест им не давать само собой! А так — чего? Пусть они там, князя карьярские, со своим проклятьем сами справляются! Жениться им это проклятье, видно, не мешает!

Следовало ведь сестру утешить, хоть перво-наперво. А там и видно будет. Конечно, не с каждым проклятым хорошо

ужиться можно, бабка вот, волхва Аленья, такое рассказывала, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Да хотя бы про одного витязя княжеского роду, который от двенадцати лет каждую ночь в чудовище жуткое превращался, а как женили его, все жену молодую покусать норовил. Днем-то ходил молодцем, а чуть солнце закатится, и превращался в чудовище, на большой замок железный его только запирает. А все потому, что его матушка-княгиня волхву одну могучую сильно разозлила.

Уж как-то так устроено в мире, что больше всего зла волшебного князьям достается, простым людям куда как реже. И бабка говорила, что это правильно. Кому много дано, с того много и спрашивается. И княжеские дочки, даром что в шелках-аксамитах ходят, а понадобится князю откупиться от зла какого для государства или мир скрепить — на это дочки и есть. У княжны не спрашивают, кто ей мил, идет за кого надобно, а если отмерит ей счастья Матушка Макошь, так то ее особая милость. И жертва богам если нужна, то и на это княжеская дочка сгодится лучше прочих, потому как цена ей дороже, чем любой другой девке. Велька, правда, что-то не припоминала, чтобы княжон на самом деле богам жертвовали, так, всерьез, не по-праздничному, а чтобы жизни лишить — видно, то совсем уж в стародавние времена случалось. Но бабка любила внучку попугать, про всякие страсти рассказывала частенько, когда долгими вечерами у огня поговорить садились. Однако отдала же она дочку свою Заринью, Велину матушку, князю в меньшицы, и вено¹ взяла, все чин-чином. А жить зато на княжий двор не пустила, и батюшка Велеслав Судиярыч с тем согласился...

Чаяна сестру слушала, задумчиво мотая на палец кончик косы.

— Ты так считаешь? — обронила она со вздохом. — Может, и впрямь. А не пойдешь ли на мое место? Все приданое отдала бы, все что захочешь.

— Разве меня звали? — со смешком уточнила Веля. — Сама знаешь, нас рядом поставь да вели выбирать — мне и твое приданое не поможет!

— Дуреха ты, — так же задумчиво покачала головой Чаяна, и улыбка на ее губах мелькнула горькая, — кто из нас станет выбирать, тому не я и не ты, а приданое мое и надобно! Ну и звание княжеское, а ты чем не княжна?

¹ Вено — выкуп.

— Крови высокой, что ты от матушки получила, мне не перельешь вместе с твоим приданым, — заметила Веля. — А она женихам твоим тоже очень желательна. И меня здесь княжной не зовут, тебя только.

— Брось, — махнула рукой Чайана, — не зовут, скажешь! Вот уеду я — поглядишь, единственной останешься, батюшка и женихов перебирать начнет, и будешь ты для всех желанней некуда. Это мне такая доля горемычная выпала, что родиться не успела, а уже в невесты к проклятым попала. Да-да, — закивала она, потому что Веля собралась уже удивиться и возразить, — тогда это и случилось. Не говорили нам, потому что батюшка все откупиться хотел от карьерцев, да те ни в какую. А вот ты, сестричка... на себя погляди-ка! — вдруг встrepенулась она, — что на тебе за отрепье? Хуже чернавки оделась, как будто тебе не во что! Хорошо, матушка с батюшкой не видят!

— Вот и ладно, — рассмеялась Веля, поднимаясь с колен и высыпая из ладони на сестрино одеяло янтарные бусины, — раз ты мой наряд заметила и ругаешься, значит, полегчало тебе, больше не грустишь, сестрица милая!

И тут как раз дверь тихонько открылась, и матушка-княгиня Дарица Стояновна шагнула в горенку. Она слышала часть разговора и не могла не признать, что падчерица говорила правильные вещи.

Княгиня поглядела на встrepенувшихся девушек, усмехнулась чему-то своему, вслух сказала другое:

— Хороши же вы обе. Одна в слезах и соплях, другая и впрямь чернавка чернавкой. Ладно-ладно, Велья, знаю, что тебе так и велено. А тебе, Чайана, плакать полагается, с девичьей жизнью прощаться. Все, получается, правильно, все так и надо, дочка князя вериложского! — и даже не понять было, сердится ли княгиня-матушка.

Она пришла сюда посидеть со своей дочкой, приголубить, сказать, чтобы не тужила зря да спать ложилась. А уж она, мать, постарается, очень постарается, распутает эту кудель, насколько можно ее распутать.

Ох, не многое теперь могла княгиня, вот как не могла во все отказать нежеланным сватам. Если бы при ней все решалось, тогда все иначе было бы. Над дочками материнская власть всегда впереди отцовской, и всякий, кто богов чтит, не перечил бы. Но что муж сладил, ей уже не разлаживать. Теперь карьерцам отказать нельзя, но и соглашаться ведь не на все можно!

Падчерицу княгиня не ожидала увидеть в дочкиной светелке и не обрадовалась ей. Просто потому, что та была сейчас как никогда чужой, посторонней их беде. Дочь другой жены, которую не увезут за темные леса, тут она останется отцу на радость, в то время как ее Чайну, любимую и чайнную, умницу и красавицу, увезут. Беспокоило княгиню неизвестное проклятье. И избежать беды один способ есть, спасибо волхве, надоумила..

Княгиня села на лежанку, небрежно подвинув рукой в сторону кучку драгоценного янтаря, Чайна тут же пристроилась у ее ног на низкой скамеечке, спросила, норвя заглянуть в глаза:

— Матушка! А когда ехать, решено уже?

— Как только, так и сразу, — уронила княгиня, ласково погладив дочь по гладким, как шелк, волосам, и посмотрела на падчерицу, — сядь, Велья, не стой. Раз уж ты тут... что поделаешь. Слово отцовское тебе не указ, значит, а жаль. Он о тебе печется, оттого и услал из города. А ты думала отчего?

Лицо Вельки, которая тут же пристроилась на кошме рядом с сестрой, осветилось любопытством, а вот раскаяния там была разве только малая толика.

Попалась княгине? Это ничего. Гневаться, сапогами топать, как отец, матушка не станет. С ней, при нужде, и договориться можно.

— Думала, да не придумала ничего, матушка, а что батюшка заботится, так знаю, конечно, — она опустила глаза, — мне только утром на ярмарке побывать, матушка. Привезти мне кое-что должен один купец, он тут уже, в городе, я узнала. Средство редкое, он бабке Аленье еще возил, надежный человек. Заберу, и с обозом обратно, вечером на месте буду.

— Куда — обратно? В Синь свою? В такую даль? А не успеешь добраться, будешь Купалу справлять незнамо где и с кем? Хорошо это разве? — княгиня со вздохом пригладила и растрепанные пряди падчерицы. — Ты княжеская дочь! Горе мое горькое. Как отпустили-то тебя, сбежала?

— Меня не стерегут, матушка. Так и при бабке было.

В порядки на Аленьиной болотной усадьбе княгиня и раньше не мешалась, и нынче вроде ни к чему.

— Даже не думай обратно ехать, — строго сказала она. — Здесь пойдешь на гулянье, как полагается. А пока приоденься, но сиди у себя, во двор и носа не высовывай. Отцу твоему... потом скажем.